

ОБРАЗ И ПОДОБИЕ

ГАЗЕТА О ПРАВОСЛАВНОЙ ЖИЗНИ

№3 (65) Июнь - июль 2021 г.

**ПОДВИГ ВЕРЫ:
ПРЕТЕРПЕВШИЕ ДО КОНЦА...**

*«В наши смутные дни явил Господь ряд новых страдальцев...
если пошлет нам Господь испытание гонений, уз,
мучений и даже смерти, будем терпеливо переносить все,
веря, что не без воли Божией совершится это с нами и не останется
бесплодным подвиг наш, подобно тому, как страдания
мучеников христианских покорили мир учению Христову».
Святой Патриарх исповедник Тихон.*

«Я ГОТОВ ЗА ХРИСТА УМЕРЕТЬ»

Гонения на Церковь совершались на протяжении всей истории - с самых первых дней существования христианской общины в Иерусалиме. Тех, кто исповедовал Христа Господом и Спасителем, побивали камнями, отлучали из общения, преследовали даже до конца земли. Только вздумайте в тот факт, что все апостолы, кроме евангелиста Иоанна Богослова, были умерщвлены, став жертвами гонений за Господа и Спасителя! Почему же последователей Христа уничтожали? А потому что многим казалось, что появление христианства угрожает их собственным религиозным целям и задачам. Так думали иудеи, так думали язычники, а вскоре и Римское государство поставило вопрос: а не угрожает ли христианство целостности, благополучию и сплоченности великой империи? И покуда некоторые из императоров полагали, что непременно угрожает, продолжались - вплоть до начала IV века - страшные гонения. Почти каждый день мы вспоминаем имена мучеников и исповедников эпохи тех самых страшных римских гонений, что обрушились на Церковь и на христиан якобы ради защиты государственных интересов.

Но, наверное, только в новое время возникла новая мотивация для гонений. Движимые

своими философскими убеждениями, а лучше сказать, фантазиями, те, кто пришел ко власти, почувствовали в христианстве идеологическую опасность, потому что

проповедь Христа вывела человека надсиюминутной борьбой, выводила из контекста человеческих страстей, а значит, мешала управлять человеческим созна-

нием во имя достижения совершенно конкретных идеологических целей. Но ведь никто никогда не формулировал подлинные причины этих гонений так, как мы с вами

сейчас можем сформулировать. А объяснялось это просто: христианская вера мешает прогрессу, мешает развитию образования и науки, а значит, мешает человеческому счастью. Так вот, для того чтобы люди были счастливы, христиан нужно убивать, их храмы закрывать, а государство строить на основах, не имеющих никакого отношения к христианской нравственности. Эти пагубные диавольские намерения были импортированы в сознание нашей элиты и даже части нашего народа, и гонение против Церкви Русской было развязано именно для того, чтобы приблизить - вдумаясь! - «светлое будущее». Ведь христиане мешали этому «светлому будущему», хотя никто из них не выступал против установившегося политического строя, — они только исповедовали честно веру. Когда от них требовали: «Отрекись», они говорили: «Нет, не могу. Моя верность Христу превыше верности чему бы то ни было, и я готов за Христа умереть». Сотни тысяч людей —

наверное, больше, чем в Римской империи, — были погублены. Это наш народ, самые лучшие его представители, которые якобы мешали построить светлое будущее. И, пройдя через испытания и страдания XX века, скорби великой войны и огромные жертвы как страшное наказание за всё это беснование, народ наш стал постепенно выходить из плена.

Сегодня мы имеем возможность говорить обо всем этом открыто, никого не боясь, ставить очень важные вопросы. И может быть, самый важный вопрос: а есть что-то в этом мире, особенно связанное с благополучием и процветанием человека, ради чего надо стоило бы убивать другого? Ведь и сегодня мы наблюдаем безумные действия тех, кто уничтожает своих конкурентов, — это тот же способ расчистить себе дорогу в «светлое будущее», стать более знатным, богатым, иметь больше власти. Опыт христианской истории учит нас: нельзя идти таким путем. Более того, это путь в никуда.

Но разве могли римские императоры — Нерон, великий Траян, Диоклециан — поверить, что вся организация этой могущественной империи — юриспруденция, армия, дисциплина, денежная система, транспортная инфраструктура, обеспечивавшие господство над всем Средиземноморьем, — будет неспособна уничтожить христианскую веру? Все они страшно ошиблись. Они ушли из истории как гонители, как люди жестокие, а вера христианская существует. Наверное, точно так же гонители в Западной Европе в новое время уничтожали храмы и монастыри, полагая, что политическая культура и политическая философия, исключаящие Бога и призывающие к борьбе с религией, позволят построить благополучное общество и исторгнуть веру христианскую. Не получилось!

Но, наверное, самый поразительный пример полного краха гонений — это наша Церковь и наша страна. Почему же так? Прочтем отрывок из Послания апостола

Павла к Римлянам, в котором он говорит, что уверен — уверен в том, что «ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не могут отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:38-39). Вот этого не знали гонители. Они не знали, что в этих людях — слабых, поверженных силой государственного принуждения, — пребывает сила Божия. Не отказываясь от Христа, не предавая своих интересов, эти люди защищали Христа, а Он защитил их, и они все — в Его Царстве. Но Он защитил их не только в плане их личного спасения, но по отношению к делу, которому они служили. Мы знаем, что эти новомученики и исповедники сегодня молятся о стране нашей, о Церкви нашей, и не является ли тот подъем, духовный и материальный, который, несмотря на трудности, мы все сегодня видим, ответом Божиим на тот подвиг жертвенный и на ту молитву, которую возносят к Его престолу наши святые новомученики и исповедники, предшественники наши по пребыванию в ограде Святой Русской Православной Церкви?

Дай Бог, чтобы эти воспоминания и размышления о трагедии нашего народа помогли нам навсегда избавиться от искушений и соблазнов, которые толкают людей на самые страшные деяния — якобы во имя возможного благополучия. Да не будет так!

*Патриарх
Московский и всея Руси
Кирилл.*

«НЕТ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЗЛОБЫ, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ ПРОТИВОСТОЯТЬ БОЖИЕЙ ЛЮБВИ»

В страшные годы гонений на Церковь в XX веке, когда рекой лилась кровь и в терновом венце поднималась Русская Церковь на свою Голгофу, мы обрели великое и славное воинство новых страдальцев. Младенцы и отроки, старцы и юноши, мужи и жены, святители и пастыри, монахи и миряне составили великий собор новомучеников Российских, явив славу Церкви.

С одной стороны – это величайшая трагедия, которая показала пример дьявольской ненависти, которая во все времена восстает на Правду Божию, но с другой стороны – освятила историю христианства высотой мученичества и исповедничества, опытом страданий множества людей, которые кровью своей запечатлели верность Христу.

Церковь была обескровлена, измучена, почти уничтожена физически, как и тысячи верующих, кто убоился пойти навстречу смерти, пыткам, истязаниям, забвению, клевете, поношению ради правды Божией. Это время поистине было проявлением человеческой злобы, несправедливости, это было, как кажется, торжеством дьявола. Но не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет (Гал.6:7). Невозможно осмеять или обмануть Господа Бога, Его Церковь и Его

служителей. Каждому в свое время Бог воздаст по его словам и делам. Никакая война против Церкви неосуществима по Божию определению, ибо врата ада не одолеют ее (Мф. 16,18).

Те, кто принял в годы лихолетья мученическую смерть, ныне предостоят Богу и вместе с нами образуют единую

Церковь Божию, Церковь не мертвых, но живых, ибо Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых (Мк. 12, 27).

Церковь призвана провозглашать Божию правду людям, и вся история Церкви – это история свидетельства о Божией правде, свидетельства не только словом и жизнью, но даже смертью.

Именно это свидетельство мы называем мученичеством.

Смерть за Христа всегда сопровождается высотой и чистотой этого действия, так, что многие мучители раскаивались в содеянном или обращались в веру сами, именно поэтому мучеников века двадцатого убивали и мучили тайно, расстреливали на полигонах, в подвалах, стараясь, чтобы об их подвиге не узнали. Наверно они и сами никогда и не думали о том, что их подвиг станет известен людям. Но замысел мучителей не оправдался, потому что со святыми мучениками был Сам Господь. И какой бы глубокой тайной ни были окружены гонения на христиан XX века, все стало явным — и имена святых мучеников, и те места, где проливалась их кровь.

Эти страшные примеры должны и в нас утверждать готовность следовать за Христом до конца, а также учат нас тому, что нет такой силы в мире, которая могла бы превозмочь силу Божию; нет такой человеческой злобы, которая могла бы противостоять Божией любви. Победа всегда за Христом и Церковью, потому что Христос воскрес из мертвых и Своим Воскресением уже одержал эту Победу.

Митрополит Хабаровский и приамурский Артемий.

«...ЕСЛИ МЕНЯ ГНАЛИ, БУДУТ ГНАТЬ И ВАС»

Смерть одного человека - трагедия, смерть миллионов - статистика. Эта крылатая фраза из опубликованного романа Эриха Марии Ремарка «Черный обелиск» не сработала в случае смертей тех, кто пострадал за свою веру, за Христа, за Церковь, в том числе и в XX веке. Церковь и ее верные чада выдержали жесточайшие гонения, сохранили чистоту веры, укрепив ее сонмом мучеников и исповедников.

Начавшиеся сразу после Октябрьской революции гонения на верующих по своим масштабам и жестокости можно сопоставить, наверно, только с преследованиями христиан в императорском Риме. Но эти гонения были дольше, можно сказать, они были непрерывными, ведь коммунисты видели в Церкви не просто одного из своих главных врагов, но соперников за души и сердца людей. И хотя согласно ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой», Советская власть с первых дней своего существования ясно поставила перед собой задачу – полное уничтожение Православной Церкви. 1 мая 1919 года в документе, адресованном Дзержинскому, Ленин требует: «Необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов

Зернохранилище в православном храме

надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады».

Эта установка ярко выражена и в известном ленинском письме («Членам Политбюро. Строго секретно») от 19 марта 1922 г.: «...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакцион-

ного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (Архивы Кремля. В 2-х кн./ Кн.1. Политбюро и Церковь. 1922-1925 гг. - М. - Новосибирск, «Сибирский хронограф», 1997 г., стр.143).

«План» старались выполнять! К 1939 г. по всей стране оставалось незакрытыми около 100 храмов из 60000 действующих в 1917 г. На свободе осталось только 4 правящих архиерея, впрочем, и на них в НКВД были сфабрикованы «показания» для ареста, который мог произойти в любое время. Изменения начались только во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., ибо вера помогла людям выстоять

в этой поистине общенародной трагедии.

Общее количество пострадавших в годы репрессий невозможно пока определить из-за отсутствия открытого доступа к архивам закрытых ведомств. Но, по мнению церковных исследователей, число пострадавших за веру в СССР может достигать пятисот тысяч человек. Самым тяжелым был 1937 год. Игумен Дамаскин (Орловский), советский и российский церковный историк, агиограф, доктор исторических наук, пишет: «Как производились аресты, допросы, с какой скоростью тройки выносили постановления о расстрелах, свидетельствуют данные правительственной

комиссии по реабилитации жертв политических репрессий: в 1937 году было арестовано 136 900 православных священнослужителей, из них расстреляно 85 300; в 1938 году арестовано 28 300, расстреляно 21 500; в 1939 году арестовано 1500, расстреляно 900; в 1940 году арестовано 5100, расстреляно 1100; в 1941 году арестовано 4000, расстреляно 1900» («История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации»). Большинство верующих людей были репрессированы в 1918 году и в 1937-38 годы.

Но как собрать воедино всех тех, кто лишился жизни или свободы, был помещен на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворен из страны и лишился гражданства, направлен в ссылку, на высылку и на спецпоселение, привлечен к принудительному труду в условиях ограничения свободы. А еще есть те, кто явил милосердие в те тяжелые и страшные времена и добровольно поехал в изгнание за своими духовными отцами, мужьями, женихами, родителями. Они не попадают под определение «репрессированные», они сделали это добровольно, по зову души, но разве не страдали они и их дети, разве не терпели скорби и лишения?

Верующие всегда трепетно относились к памяти святых примеров для подражания, особенным почитанием окружались имена мучеников и исповедников за Христа. Мучениками называются святые, убитые за исповедание христианской веры. Под исповедниками обычно понимают хри-

стиан, пострадавших за Христа от гонителей христианства.

Смерть мученика – это свидетельство его веры во Христа, это повторение Его крестных страданий, поскольку мученик делает выбор: жить ему без Христа, или умереть со Христом, выполняя заповедь: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеря-

ет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мф.16,24-25).

Если мы посмотрим на икону «Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской», то увидим там святых – известных и не известных, ведь сколько еще их, которые «донныне миру не явленные, но ведомые Богу».

В этом выпуске газеты мы постараемся рассказать о нескольких священнослужителях, которые пострадали за веру на

территории нашего края в сложные и страшные годы лихолетья, когда в одних проявлялась зверская жестокость, словно иллюстрация фразы, которую изрек Ф. Достоевский: «если Бога нет, то все позволено», а в других, несших в сердцах слова и заповеди Спасителя, раскрывалась та сила любви, способная молиться за своих мучителей, подтверждая слова апостола Иоанна Богослова о том, что Бог есть Любовь.

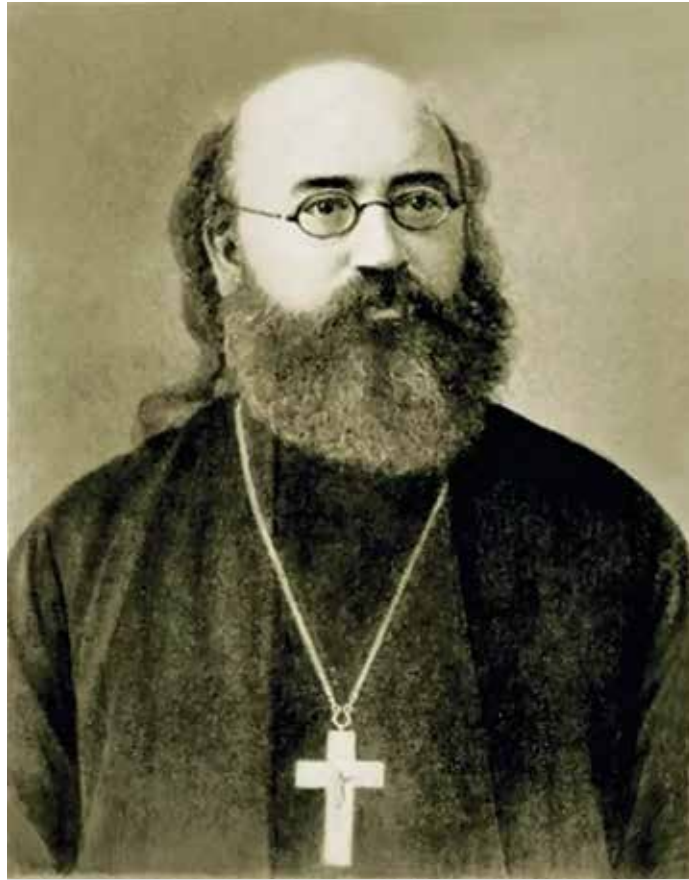
ВСЁ СЛИЛОСЬ В ОДИН ВОПЛЬ: ВОЗЬМИ, РАСПНИ!

Кто может лучше рассказать о том, что чувствовал, с чем столкнулся верующий человек, когда на его глазах закрывались и уничтожались храмы и монастыри, когда процветали аресты по доносу, когда за ношение креста или открытую молитву люди лишались свободы и жизни. Кто может с духовной точки зрения описать события, которые называют революцией, переворотом, захватом власти... Перед нами воспоминания священномученика Иоанна Восторгова и священномученика Евгения (Зёрнова), которые в своих записках характеризовали события, последовавшие за Октябрьской революцией.

Февральская и тем более октябрьская революция ошеломили протоиерея Иоанна Восторгова. Отец Иоанн находился на гребне волны русского миссионерства конца XIX-начала XX в. В 25 лет он отдал все свои сбережения на свой первый храм и покупку для него утвари, организовал школу.

Он объездил всю страну - от Черного моря до Тихого океана - и обратил в Православие тысячи людей. Кроме того, отец Иоанн посетил Японию, Китай, Корею, Хабаровск, Владивосток и, вернувшись в Москву, организовал пастырские курсы, на которых готовились священнослужители и миссионеры для епархий Сибири и Дальнего Востока.

По воле Божией отец Иоанн не просто посетил город Хабаровск, но его именем даже было названо село Новокуровка, носив-

Священномученик Иоанн Восторгов

шее тогда название «Три сестры». Кажется невероятным, что история этого отдаленного села в Хабаровском районе связана с именем отца Иоанна Восторгова, который в августе 1905 года был направлен обер-прокурором Святейшего Синода в поездку для ознакомления с нуждами духовно-учебных заведений Иркутской, Забайкальской и Приамурской епархий. В 1908 году отец Иоанн совершил поездку по Дальнему Востоку, где занимался проповедью среди крестьян-переселенцев. Искренне преданный делу церковного просвещения протоиерей Иоанн Восторгов так преуспел в своей миссии, так колос-

сально много сделал для России и Дальнего Востока, что благодарные жители «Трех сестер» с радостью приняли весть о переименовании села в честь священника-миссионера, освятившего местную церковь, в Восторговку. В 1922 году, Советская власть переименовала её в Новокуровку. Церковь разобрали, звонницу со временем разрушили, а колокол сняли и отправили в Хабаровск на переплавку. К слову, в 2013 году в селе появилась православная община, а затем и молитвенная комната в честь священномученика Иоанна Восторгова.

Думается, что еще тогда, вдали от центра будущих революционных событий

отец Иоанн размышлял о судьбах Церкви и Родины. Вдумайтесь, какие страшные вопросы несутся из его уст на проповеди, произнесенной в Великий Пяток в Храме Христа Спасителя перед Плащаницей. Вопросы, на которые каждый лично ответил по-разному, но от ответа на которые в конечном итоге и зависела судьба страны.

«В сей скорбный час скорбных воспоминаний слышится нам слово этого умученного Христа Господа, сказанное Им апостолам в тягостный час Его прощальной беседы на Тайной Вечери, - слово грустного упрека, сила которого относится ко всем временам, ко всем верующим: «Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня единого оставите» (Ин. 16:32).

Как скоро, и как до конца исполнилось слово Спасителя! Довольно было Его врагам издать приказ: «Если кто узнает, где Он будет, то объявил бы, чтобы взять Его» (Ин. 11:57), - довольно было такого приказа, чтобы все оставили Его.

Оставили те, которые так недавно, в столь великом множестве и с таким усердием ходили за Ним и слушали Его учение; оставили и те, которые, можно сказать, только вчера встречали Его с ваяями, как Царя, и зывали: «Осанна! Осанна!». Оставили и те, которые были Им благодетельствованы чудесами исцелений. Тайно Он вынужден был совершить пасхальную вечерю; одиннок томился и тужил Он в Гефсимании в непости-

жимом для сотворённого ума страданий и борении за вековой грех людей. О, если бы взвешены были все скорби и вопли Его! Они, по слову Страдальца ветхозаветного, перетянули бы песок морей... (Иов. 6:3). Но тут - хоть вблизи Его ученики. А дальше, дальше что видим? Один предал, другие спали, один отрёкся, испугавшись рабни, и, наконец, все разбежались! На кресте один Он истоптал точило гнева Божия за грех мира; один пред лицом неба и земли висел Он на позорном древе, объятый смертными муками, окружённый не друзьями и учениками, а врагами и хулителями.

Не станем осуждать робость и трусость учеников Христовых. Ведь они видели только Его бесславную смерть, но не видели ещё воскресения... Когда же узрели они Христа воскресшего, тогда их мужеству и дерзновению не было предела; тогда во всю землю изыде вещание их и в концы вселенные глаголы их; тогда муками, кровью и смертью искупили они былые колебания, слабость и малодушие, засвидетельствовали непрерываемым свидетельством жизни и смерти свою верность Христу. Язвы Господа Иисуса непрестанно они носили на теле своём; пред языками и царями они возвестили славу Его.

Да, не будем после этого осуждать учеников Христовых. Обратимся же к себе, к своей совести, поищем каждый ответа на страшный вопрос: Мы не изменяем ли Христу? Мы не предаём ли Его? Не отречаемся ли от Него? Мы не оставляем ли Его и ныне одиноким среди нашего видимого многолюдства верующих?

А ведь у нас не меньше, если не больше, чем даже

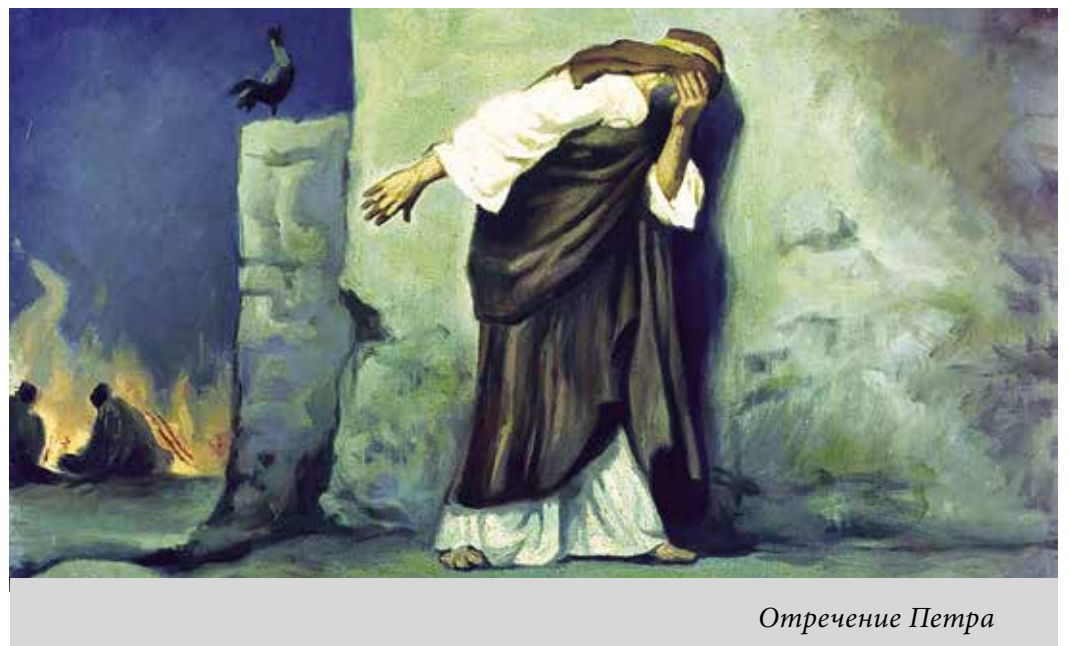

у апостолов, побуждений хранить Ему верность. Мы знаем об Его воскресении, об Его Божестве, об Его победе над смертью. Мы видели на пространстве двух тысячелетий победу Его и над злом всего мира; видели и видим блистающий свет Его учения, что принесло спасение погибшим, преобразование, не престающее нравственное преобразование мира: и отдельных людей, и всего

человечества.

Но малодушие и робость, уже ничем не объяснимые и непростительные, нередко толкают нас на измену Христу. Мы молчим о своей вере, мы прячем её глубоко в сердце, когда кругом нас раздаются хулы, издевательства и насмешки над христианством, когда учение Христа дерзко искажается и перетолковывается для прикрытия низменных страстей человеческих.

Мы готовы отречься от Христа, когда жалкая рабыня - лжеименная безбожная наука, сама во всём зависимая, сама не обладающая истиной, спрашивает нас язвительно и укоризненно, как Петра: «и ты с Иисусом Назарянином?». По духу и веянию моды, рабски покорные мнению большинства, мы принимаем сочувственно такие общественные и государственные учения, такие

Отречение Петра

течения мысли и жизни, в которых заведомо нет ни единого помысла, ни единого слова о религии и христианстве. Как Пилат, мы не смеем тогда настоять на своём решении защитить до конца Иисуса и, - снисходительно объявив Его невиновным в неурядицах жизни, обвинив во всём и обрёмши на страдание тело Его - Церковь, мы отступаем пред говором и угрозой толпы, забывая, что этим Самого Иисуса мы отдаём на пропятие.

О, толпа, общественные вопли, общественное мнение, власть улицы, голос большинства, - вот где страшный идол современности, вот кровожадный Молох, который пожрал, поглотил и истребил столько святых порывов, столько высоких стремлений и истин! Не знал Пилат, не видел, как составилось то большинство, которого он так испугался, которое осудило Христа на крест и вопило: «Возьми, возьми, распни Его!». Вот оно большинство - безличное, безответственное, шаткое и неустойчивое, добыча первого искусного говоруна и ловкого подстрекателя! Не управляемое высшим законом веры и нравственности, движимое только земными выгодами и интересами, - оно отвергло духовное царство Мессии и заменило его мечтаниями о царстве земном, оно безумно накликало вечный позор и гибель на народ, некогда богоизбранный: кровь Его на нас и на чадах наших... (Мф. 27:25).

Настойчиво, властно просится в душу потребность обратить теперь слово и мысль от этого народа, присудившего Христа на смерть, к нашему родному народу в переживаемые им ныне важные дни. Дни не только важные, но страшные, роковые, решающие

судьбу родины. Кому теперь вручит народ наш свою жизнь: верующим или неверующим? Устами своих избранников будет ли он взывать: осанна, - будет вопить: распни Его? Сохранит ли он при новом строе своей государственной жизни прежнее стремление посреди своего царства земного, человеческого, искать осуществления задач, целей и законов царства небесного и Божьего, всё рассматривать при свете высшей правды под руководством Церкви Христа Иисуса, - или станет помышлять лишь о хлебе едином, останется только при земных интересах? Пребудет ли он верным Иисусу, или опять суждено исполниться скорбному слову Христову: Меня единого оставите?

Вопросы страшные. Родина наша вступает на новый путь жизни, пред нами впереди - новая Россия... Прости, прости, старая, тысячелетняя Россия! На наших глазах судили, осудили тебя и приговорили к смерти... Грозные и беспощадные судьи заплевали твоё лицо и не нашли в тебе ничего доброго. Суд был строгий, неумолимый и беспощадный. Всё сли-

лось в один вопль: возьми, распни!

Знаем и мы, что ничто человеческое тебе не чуждо; знаем, что много было у тебя недостатков. Но и то мы ведаем и видим, что ты соделала Русь святой, а народ свой - богоносцем, если не в осуществлении, то хоть в вечном, не умирающем идеале народной души. Ты породила и воспитала великий народ, сохранив его в горькой доле, в горниле исторических испытаний чрез целый ряд веков; ты породила и воспитала сонм святых и праведных. Ты не погибла под ударами, — под тяжкими ударами судьбы, но крепла в них, сильная верой; с сею верой, с великой мощью духа, ты перенесла все тяготы, и всё же создала, и нам завещала и оставила великое царство. За всё это тебе земной благодарный поклон.

Будущая, новая жизнь России неизвестна. Но ход её для нас, верующих, представляется совершенно ясным. Он всецело будет зависеть от того, со Христом ли останется народ наш, или откажется от Него, пойдёт ли за Ним, или Его единого оставит. Не формы жизни, не формы прав-

ления спасают народ: семя свято, люди верующие и благочестивые, - те, что не преклоняют колена пред современными Ваалами, как в дни Илии, - уважение к нравственному закону, внутреннее христианство, послушание Церкви - вот что сохранит и укрепит всякое общество и государство. А народ, забывший о Небе, не достоин жить и на земле. Да не оставит народ наш Христа Господа, да не оставит Его единым!..».

А 5 сентября 1918 года в Москве протоиерей Иоанн Восторгов был казнен выстрелом в затылок. По просьбе отца Иоанна палачи разрешили всем осуждённым помолиться и попрощаться друг с другом. Все стали на колени, и полилась горячая молитва «смертников», после чего все подошли под благословение, а затем простились друг с другом. Первым подошёл к могиле отец Иоанн. «Я готов», - сказал он, обращаясь к конвою. Палач подошёл к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул её за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув отца Иоанна в могилу...

«КРОВЬ МУЧЕНИКОВ ЕСТЬ СЕМЯ ХРИСТИАНСТВА»

Известный апологет Тертуллиан говорил римским языческим правителям: «Мы побеждаем, когда нас убивают, и становимся свободными, едва лишь окажемся в заточении... Чем более вы истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь мучеников есть семя христианства». Не осталась без жертв и наша Дальневосточная земля: кровавые гонения на Церковь в XX веке не обошли стороной ни единого уголка нашей Родины. С конца 1917 г. по конец 1922 г. гонителями веры на дальневосточной земле были красные отряды: от большевиков до анархистов, которые расправлялись со священнослужителями без суда и следствия. Затем, после окончательного установления советской власти, начались планомерные и постоянные репрессии по отношению к духовенству.

Именно в эти годы лихолетья пострадали за веру и были убиты священники Филипп Распопов, Серапион Черных, Леонид Серебряников, Рафаил Воецкий. Позже к ним присоединился епископ Пантелеимон Максун, погибнув в лагере Мариинска. Не на нашей земле, но наши священники были убиты и пострадали в разных уголках страны. Например, священники Виктор Козловский и Василий Выхованец. А сколько еще тех, чьи судьбы неизвестны, те, кто служил в храмах на хабаровской земле, кто отбывал наказание в Дальлаге, кто был этапирован в Хабаровск с других регионов, ожидая своей участи.

Их подвиг высок, но, по словам Святейшего Патриарха, говорить о нем надо так, чтобы было слышно всем - не только членам Церкви, не только нашим прихожанам, но и людям светским. Потому что новомученики - это герои, а без героев не может существовать народ, не может существовать нация.

«Сегодня очень часто появляются псевдогерои те, чья популярность обусловлена не более чем модой, - и когда многие, в том числе молодежь, на них ориентируются, это приносит только вред, - констатировал Предстоятель. - Но подлинный герой всегда несет в себе высокий нравственный заряд, нравственную силу. Несомненно, именно такова роль героев, которые полагают жизнь свою за Родину, за Церковь, - и новомученики являются такими героями. В наше время, когда людям трудно оторваться от своей повседневности, поставить под сомнение привычный комфорт, особенно важно во весь голос говорить о наших отцах, братьях, сестрах, которые погибли, но остались верны Господу. Об этом подвиге должны знать все, - это наша задача, это наш венок на их могилу».

И сегодня, на страницах этого издания, нам бы хотелось рассказать и о тех, кто пострадал за Христа на территории Хабаровского края, кто был гоним и мучим за веру, кто умирал с именем Господа на устах.

Вот как описывает дальневосточные события лихолетья священномученик Евгений (Зёрнов), будучи

Священномученик Евгений (Зёрнов)

тогда епископом Приамурским и Благовещенским. Кстати, в честь этого святого в Хабаровской епархии существует молитвенная комната в поселке Победа.

«С 27 февраля по 2 марта у нас была ужасная бойня, в борьбе за власть большевики избивали так называемых буржуев. Убито очень много - свыше пяти-сот человек, раненых более тысячи. Я обращался с призывом мира, но что, собственно, все эти воззвания к озверевшей толпе?! Во главе власти стали каторжане и царствуют.

Вместе с захватом власти большевиками открылись и все отрицательные стороны их засилия, - <...> озлобление одной части населения против другой,

кровавые столкновения, экспроприации, грабежи, разбой, убийства.

Арестованы были все мужчины, жившие в семинарии, кроме служителей, ректора и духовника семинарии. Обыски сопровождалась реквизицией денег и прочего имущества; в запертые помещения революционеры врываются силой, как например в церковь, физический кабинет, библиотеку, кладовые и т. д. <...> Дня через два после этого один из караульных солдат штыком сорвал со стены икону Господа Саваофа и расщепал ее на мелкие части».

В 1937 году митрополит Евгений был расстрелян. Место его захоронения неизвестно.

Священник Леонид Сребренников

Убит на Рождество 26 декабря/8 января в 1919 г. в селе Лермонтовка (ныне Бикинский район, Хабаровский край). Отец Леонид был прославлен в лике святых Собором РПЦЗ в 1981 г.

По словам местного жителя села Лермонтовка Романа Скородумова рассказы о мученической смерти священника он слышал еще от своей прабабушки Г. Ведьмаковой: «Однажды, рассказывая о Боге, Гликерия Игнатьевна поведала мне историю убийства лермонтовского священника Леонида Сребренникова. В 1919 году, на Рождество, после елки, организованной в приходской школе, отец Леонид был схвачен бандой большевиков и выведен на реку в жестокий мороз, где был раздет и поставлен на лед. Бандиты издевались над священником, который, будучи большого роста и недюжинной силы, не сопротивлялся своим убийцам. Они прыгали на него,

катились на его спине до речки, шпыняли ножами, потом заставили долбить прорубь, раздели и со словами: «Ты нас крестил, и мы тебя будем крестить» опустили под воду. Когда он, уже израненный, цеплялся за кромку льда, ему раздробили все пальцы на руках, потом он ушёл под воду, а утром люди выловили его тело и с почестями похоронили.

Эти факты подтверждает и Людмила Гордиенко, жительница села: «Эту историю нам рассказывал отец, даже фамилию того, кто катался на батюшке называл. Но, к сожалению, я забыла. А спросить не у кого, нет ни папы, ни мамы уже в живых».

По инициативе прихожан ныне существующего храма в честь архангела Михаила села Лермонтовка была заказана и написана икона с образом отца Леонида, которого верующие считают своим небесным покровителем.

В селе сохранилось здание, которое когда-то служило для нужд церковно-приходской школы,

Священник Леонид Сребренников

сейчас, как и сто лет назад, тут снова учатся детишки: строение с более чем вековой историей отдано под коррекционную школу. Персонал учебного заведения поделится, показывая на заросли напротив вхо-

да в школу: «Тут, говорят, церковь раньше и стояла, а за ней кладбище. Где-то тут и отец Леонид похоронен». Здание церкви действительно было разрушено. Недалеко от того места стоит новый храм.

Священник Филипп Распопов

Пострадал за Христа в декабре 1919 года в приамурском селе Троицкое (ныне Нанайский район Хабаровского края). 23 ноября/6 декабря 1919 г. Был утоплен в реке Амур.

Священник Филипп Кузьмич Распопов Родился в 1875 г. в Самарской губернии. В 1894 г. с отличием закончил церковно-приходскую школу в г. Бузулук, работал учителем и псаломщиком. В 1898 г. был переведен в Амурскую область. Был скромным и благочестивым человеком,

усердно трудился на благо Церкви, будучи одно время псаломщиком Дуйской полевой церкви и регентом Хабаровского Успенского собора. Помогал в строительстве катехизической школы и был письмоводителем Буруканского миссионерского стана. Своей христианской жизнью он снискал уважение прихожан и доверие церковного начальства. 23 июля 1904 г. в Успенском соборе Хабаровска венчался с Ольгой Николаевной Савиной. У супругов родилось семеро детей: дочери Вера, Надежда, Любовь и София, сыновья Павел, Петр и Иннокентий. 28 января 1906 г. рукоположен во диакона епископом Благо-

Священник Филипп Распопов

вещенским Никодимом и назначен штатным диаконом Градо-Николаевского Приморского собора. Его склонность и способность к пастырской работе были замечены гражданскими властями, поэтому он был определен учителем закона Божия в народную школу с. Пьяновского.)

Рукоположен в священнический сан 8 января 1912 г. епископом Евгением (Зёрновым) в связи с назначением священником Покровской церкви с. Вятское Приморской области. Затем служил настоятелем Свято-Троицкой церкви с. Доле-Троицкое (сейчас – с. Троицкое Хабаровского края). В 1916 г. он и его

жена Ольга Николаевна пожертвовали на нужды фронта свои золотые обручальные кольца, в 1917 г. собирали на приходе вещевые пожертвования для военнопленных.

В 1919 г. партизаны-анархисты из банды Якова Тряпицына и Нины Лебедевой ворвались в дом отца Филиппа, вытащили его на улицу и поволокли к реке Амур. Там в течение долгого времени оскорбляли и били, а затем бросили в прорубь, где он и принял мученическую смерть. Тело священника так и не было предано земле.

Весной, когда с Амура сошел лед, тело отца Филиппа обнаружил рыбак.

Попытки похоронить его встретили жесткое сопротивление со стороны власти, и его пустили вниз по течению. Так, могилой для батюшки стала река.

Через год вдова с семью малолетними детьми уехала в Харбин к своему брату, который служил на КВЖД. Он приютил сестру, и с тех пор их жизнь продолжалась в Харбине. Об этом вспоминает племянница батюшки Ольга Скворцова на страницах газеты «Тихоокеанская звезда» (материал Ольги Чеховой).

Все дети отца Филиппа обладали прекрасным слухом и голосом, пели в церковном хоре, а старший сын Петр Филиппо-

вич унаследовал талант своего отца - он прослужил регентом много лет в Харбине. Кроме того, Петр обладал композиторским талантом, написал много песнопений, которые исполняются в российских церквях.

Впоследствии большинство детей отца Филиппа уехали в Америку, Петр Филиппович продолжил регентство в Сан-Франциско. Чашу, из которой мученика причащали, и крест священника хранит теперь внучка отца Филиппа.

Русской Православной Церковью Заграницей о. Филипп был причислен к лику святых.

Протоиерей Серапион Черных

Принял мученическую кончину в марте 1920 г. Серапион Черных родился в 1873-м, в 1894 году стал священником Хабаровской причетнической школы, был приписан к Иннокентьевскому храму Хабаровска, а затем переведён в Градо-Хабаровский Успенский кафедральный собор. На следующий год был назначен делопроизводителем Хабаровского уездного отделения училищного совета. В 1898-м иерей Серапион Черных стал благочинным Хабаровской Иннокентьевской и Уссурийских церквей. Известно, что в 1901 году отец Серапион совершил поездку в Японию и Забайкалье, находясь в шестимесячном оплачиваемом отпуске. Впоследствии батюшка стал настоятелем Николаевского собора в Николаевске-на-Амуре.

Протоиерей Серапион Черных

В 1920 году Николаевск-на-Амуре был занят отрядом партизан-анархистов под командованием Якова Тряпицына и Нины Лебедевой. Они сохраняли контроль над городом до 31 мая того же года. Ими отец Серапион был спущен под лед в бухте прямо в облачении.

По приказу Тряпицына в Николаевске-на-Амуре были сожжены или взор-

ваны почти все здания, среди которых, конечно же, и церкви: недостроенный Градо-Приморский собор (взорван), Церковь при кладбище (сожжена). Самый первый из них собор Николая-святителя Чудотворца был открыт в 1858 г., но в 1912 г. «за ветхостью» он был снесен. К 1917 году в городе действовала кладбищенская церковь с

колокольней и строился величественный в каменно-деревянном исполнении Градо-Николаевский Приморский собор. Была также православная домовая церковь при реальном училище.

После трёх месяцев господства красных партизан от города остались лишь «сплошная гора камня, железа, бревен и проволоки.

Полковой священник Рафаил Воецкий

Принял мученическую смерть за веру в 1920 году в Николаевске-на-Амуре.

Родился отец Рафаил в 1881 г. в с. Шоринское Уржумского уезда Вятской губернии в семье помощника настоятеля Свято-Николаевской церкви священника Петра Александровича Воецкого и его жены, Екатерины Ивановны (Василевской), дочери диакона. В 1906 г. отец Рафаил был определен по ведомству Военного протопресвитера священником Николаевского крепостного полка в г. Николаевске-на-Амуре. У отца Рафаила и матушки Софии было пятеро детей: четыре дочери и сын.

После захвата города красными отрядами Якова Тряпицына батюшка был арестован, по словам дочери Нины с него сорвали крест и увели: «Однажды утром семья была разбужена стуком в дверь. К своему удивлению мы увидели банду партизан, которую привел сын нашей прачки, молодой человек, которому отец Рафаил часто помогал, в частности, вносил плату за его обучение в гимназии.

Отец Рафаил принял мученическую смерть за веру в 1920 году. Эти события описаны в книге «Люди в аду» К. А. Емельянова - свидетеля тех страшных событий, выжившего среди «красного террора»: «... Про полкового священника Рафаила Воецкого

Священник Рафаил Воецкий

рассказывали, что он держался с необыкновенным достоинством, поражающим даже мучителей.

Сами красноармейцы утверждали, что у него во время мучений не могли добиться крика или стоны, и только при потере сознания они вырывались из него. Когда страдания достигали у него наивысшей степени, он просил пить, в чём ему, как говорили красноармейцы, не отказывали. Про священника о. Рафаила Воецкого передавали, что он товарищам по камере дал последнее напутствие, сам же молился за всех своих мучителей. Личность и поведение священника Воецкого произвели большое впечатление даже на партизан-китайцев. Они передавали многим из жителей Николаевска, что во время его смерти голова его была окружена сиянием».

Дочери отца Рафаила Нина и Зоя Воецкие

Епископ Пантелеимон (Максунов). В жизни владыки Пантелеимона соединились сразу три подвига: преподобнический, святительский и мученический. Будущий епископ Хабаровский Пантелеимон, в миру Георгий Петрович Максунов, родился 25 мая 1872 в Иркутской губернии в крестьянской семье. Георгий окончил Иркутское промышленно-техническое училище, но светской стезе предпочёл служение Богу и вскоре поступил послушником в недавно открытый Ново-Валаамский Свято-Троицкий Николаевский монастырь в Южно-Уссурийском крае, близ станции Шмаковка. Там же в 1897 году он принял монашеский постриг с именем Пантелеимон.

История Шмаковского монастыря, ставшего для будущего святителя местом духовного рождения, берёт начало в 1895 г. Его основателями были три подвижника: иеромонах Алексей (Осколков), приехавший со Святой Горы Афон, и воспитанники Валаама иеромонахи Сергей (Озеров) и Герман (Богданов). Устав обители был строго общежительным, повторявшим устав Валаамского монастыря. Были туда перенесены с Афона и Валаама и традиции старчества и умной молитвы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже вскоре молодая обитель стала подлинным духовным центром всего Дальнего Востока. За двадцать лет Уссурийский монастырь настолько вырос и окреп, что на Поместном Соборе Российской Церкви в 1917-1918 гг. даже решался вопрос о присвоении ему статуса Лавры, но революционные события помешали принятию этого решения.

Монах Пантелеимон (Максунов) стал одним из

первых насельников обители и достойным учеником своих духовных наставников – отцов-основателей монастыря Алексея, Сергея и Германа. Его преуспеяние в иноческом делании не осталось сокрытым от окружающих: и в 1900 году епископом Владивостокским и Камчатским Евсевием (Никольским) отец Пантелеимон был рукоположен в иеромонаха. А через какое-то время братия Шмаковской обители избрала иеромонаха Пантелеимона своим духовником, и это служение он исполнял до самого разорения монастыря.

Но вот наступило советское лихолетье. После окончательного закрытия Уссурийского Свято-Троицкого Николаевской обители в 1924 году, его настоятель архимандрит Сергей (Озеров) вместе с частью братии переехал в Иркутск, родной город отца Пантелеимона. Иркутск на некоторое время стал притягательным центром для многих иноков, изгнанных большевиками из своих обителей, поскольку в нём ещё оставался действующим Вознесенский монастырь. Среди уссурийских монахов, вынуждено переехавших туда вслед за отцом Сергием, был и иеромонах Пантелеимон (Максунов). Спустя какое-то время он, уже в сане игумена, стал настоятелем Благовещенской церкви в городе, где прошли его детство и юность.

Вскоре архимандрит Сергей покинул Иркутск, намереваясь вернуться в «обитель своего покаяния» - на Старый Валаам, но его желанию не суждено было осуществиться. С 1928 г. о. Сергей поселился в Ростове Великом и служил в приходском храме. Там его посещали ближайшие сподвижники и учени-

Епископ Пантелеимон (Максунов)

ки, среди которых был и игумен Пантелеимон. По свидетельству лиц, близких архимандриту Сергию, митрополит Сергей (Страгородский), Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, вызвал его в Москву для назначения на архиерейскую кафедру, но о. Сергей, по старости лет и по смирению, отклонил почётное предложение и

назвал вместо себя другого достойного кандидата во епископы – 56-летнего игумена Пантелеимона (Максунова), бывшего духовника уссурийских иноков.

Наречение и хиротония отца Пантелеимона во епископа Владивостокского и Камчатского состоялась в том же 1928 году. Во Владивостоке владыка Пантелеимон прослужил недол-

Братия Шмаковского монастыря

го. В том же 1928 году он вынуждено переводится на Хабаровскую кафедру с титулом епископ Хабаровский, викарий Благовещенской епархии. Приехав в Хабаровск, святитель поселился в доме №5 «А» по улице Запарина. Служение он совершал в Свято-Алексеевском кафедральном соборе на Пожарной площади (ныне на его месте расположено здание Штаба ПВО, на углу улиц Ленина и Волочаевской). Храм этот, после захвата обновленцами Градо-Хабаровского Успенского собора, на долгие годы стал центром Православия для всего Приамурья.

В Хабаровской епархии святителю пришлось столкнуться с набравшим большую силу обновленческим расколом. В те годы здесь число приходов и духовенства тихоновской и обновленческой ориентаций было почти равным, с некоторым преобладанием тихоновцев. Давал о себе знать и григорианский раскол, хотя в Приамурье он и не имел большого чис-

ла последователей. Усугублялась ситуация тем, что советская власть активно использовала и обновленцев, и григориан для своей борьбы с истиной Церковью.

Время служения владыки Пантелеймона на Хабаровской кафедре было временем, когда на каждом верном христианине лежал крест исповедания веры Христовой перед воинствующим безбожием – явлением для православного русского народа совершенно незнакомым и небывалым. Именно при нём в 1930 году богоборцами был закрыт и разрушен Градо-Хабаровский Успенский собор, а в 1931 г. было отнято у верующих здание Свято-Иннокентиевского храма.

И в этих условиях епископ Пантелеймон неустанно заботился о пасомых не только словом наставления, но и материальной поддержкой – служением милосердия. Этому требовали его христианская совесть и любящее сострадающее сердце. На

допросе святитель записал: «На вопрос, заданный мне при допросе, как я смотрю на помощь (пищью или одеждою), оказываемую заключенным со стороны людей, находящихся на свободе, отвечаю: как христианин, считаю себя к тому обязанным».

«Советую то делать и другим по заповеди Господней, но не указываю при этом на лиц, которые нуждаются в помощи и вместе с тем не допускаю, чтоб это делались организовано, т.е. противно законам гражданским».

Владыка из своих личных средств и из привозимых для него денег и продуктов от многих приезжавших к нему в Хабаровск, делал передачи томящимся собратьям – священникам, находящимся в тюрьмах. Об этом упоминает на допросе отец Леонид Тихвинский – настоятель Алексеевского собора: «из доли Епископа, идущей главным образом на его содержание, последний очень много уделяет на передачи заключенным и вообще многим

нуждающимся священникам и монахам».

Не миновала чаша гонений и его самого. 10 июня 1931 года святитель был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности вместе с большой группой священнослужителей и верующих – членами «Тихоновского духовенства и монашества Дальневосточного края». Как следует из обвинительного заключения, предъявленного проходящим по делу, их контрреволюционная деятельность заключалась в том, что «под руководством и всемерном поощрении Хабаровского епископа Пантелеймона (Максунова) и Владивостокского епископа Варсонофия (Лузина) они под прикрытием религиозных объединений занимались организацией помощи контрреволюционерам, заключенным в лагерях ОГПУ, Домзаках и ссылках, вели антисоветскую агитацию как в проповедях, так и в частных разговорах с населением, распространяли контрреволюционную литературу и листовки».

Помимо писем, написанных епископом Пантелеймоном своей пастве, в уголовном деле также находятся особо ценные письма, служащие утешением, находящимся в заключении. Ценность этих писем заключается в том, что они ярко иллюстрируют внутренний мир епископа Пантелеймона, приоткрывают глубину сострадательности и милосердия его души. В своем архиерейском служении владыка нес крест утешения узников, помогая им материально, но в главном оказывая им моральную поддержку словом утешения.

Множество листовок «Похвала узам», изъятых у владыки Пантелеймона

при аресте, предназначенных узникам, свидетельствует об этом. К архивному делу как вещественные доказательства были подшиты несколько из них. Листовка «Похвала узам» представляет собой пространное послание узникам свт. Иоанна Златоуста на нескольких листах с комментариями владыки. В этом послании святитель Иоанн на основании слов апостола Павла убеждает читающего, что «быть узником ради Христа славнее, чем быть апостолом, учителем и благовестником» и «не столько блеснит на голове повязка с драгоценными камнями, сколько железные оковы ради Христа». Такое письмо возогревало в сердцах узников веру, любовь к Богу, давало терпение с доброй надеждой на Бога пребывать в заключении. Для утешения узников епископом Пантелеймоном была также составлена листовка «Слава Богу за все», основанная на жизнеописании святителя Иоанна Златоуста. В ней владыка Пантелеймон по-пастырски мудро, словами святителя Иоанна Златоуста призывал во всех даже самых скорбных обстоятельствах жизни повторять «Слава Богу за все», поскольку «это изречение неприкосновенности и радости среди всякого рода опасностей. Как только произнесешь его: мгновенно разгоняются облака печали».

Почти все письма епископа Пантелеймона частным лицам были направлены им для укрепления их духа во время боязни быть арестованными, поскольку в то страшное время все, кто называл себя верующим, так или иначе находились в группе риска быть осужденными по пресловутой 58 статье. В своих письмах владыка ободрял и утешал

Алексеевский кафедральный собор

людей, призывая их «предавать себя воле Божией, всем управляющей и все направляющей ко благу».

Следует отметить, что на тот момент перед следователями ОГПУ стояла четкая и определенная задача – во что бы то ни стало обвинить и осудить на максимальный срок все оставшееся на свободе дальневосточное духовенство. Поэтому все любые встречающиеся в текстах писем, разговорах упоминания об антихристе, какой-либо борьбе, о врагах, даже если речь шла о духовных врагах – бесах, все эти высказывания расценивались как антисоветские.

Через 9 месяцев предварительное следствие было окончено и 15 февраля 1932г. тройкой при ПП ОГПУ Дальневосточного края обвиняемые были приговорены к различным срокам заключения. Владыка Пантелеимон был осужден на 5 лет ИТЛ и отправлен в Мариинские лагеря в Кемеровской области. Как оказалось, это был последний земной путь епископа-исповедника, ибо последовавшие тяготы лагерной жизни смертель-

но подорвали его здоровье.

Скончался епископ Пантелеимон 9 февраля 1933 года в 1-м отделении Сиблага г. Мариинска от кровоизлияния в мозг и паралича сердца. Сведения о месте захоронения владыки Пантелеймона не сохранилось. Незадолго до его кончины в Мариинск приехал его келейник иеродиакон Евсевий и просил тюремное начальство освободить из заключения умирающего святителя, но не был услышан. Когда владыка Пантелеимон отошел ко Господу, отец Евсевий снова обратился с ходатайством выдать ему тело умершего епископа, однако и эта просьба была отвергнута.

Реабилитирован епи-

скоп Пантелеймон был через 56 лет после своей кончины указом Президиума ВС СССР от 16 января 1989 г.

Его земная жизнь оборвалась, но духовный плод его подвига виден сейчас – страдание и исповедничество нового мученика явилось семенем обновленной Хабаровской Церкви, где сияют купола некогда разрушенных, но теперь восстановленных храмов и вновь построенных церквей, как символ возрождения Православия, воздвигнут крупнейший на всем Дальнем Востоке Спасо-Преображенский Кафедральный собор, открыта Духовная семинария и Петропавловская женская обитель.

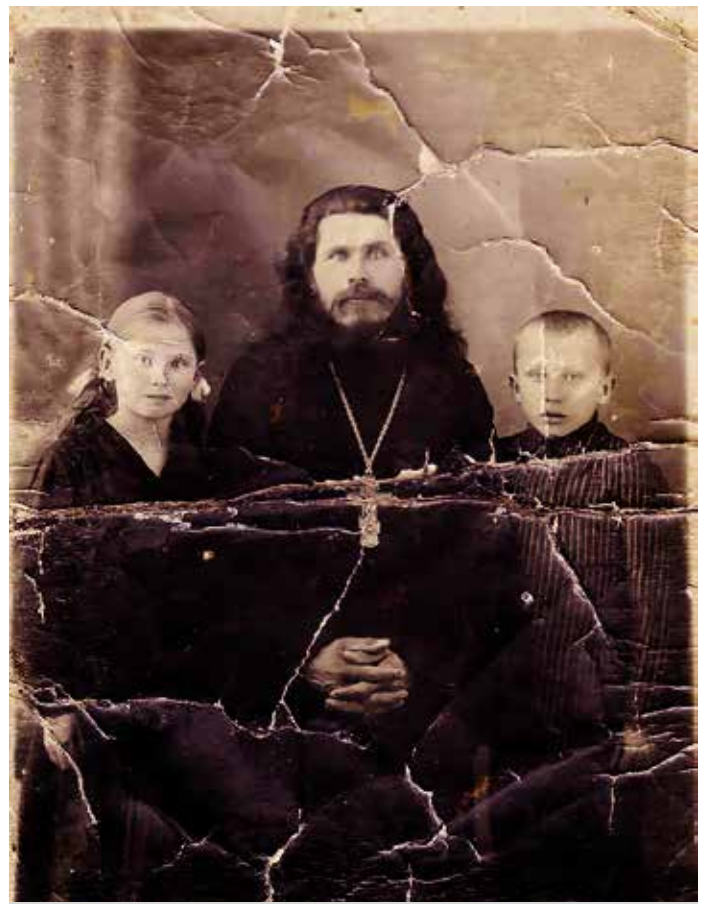

Священник Василий Выхованец

Родился в 1892 году на Украине селе Трубиевка (ныне Ружинский район, Житомирской области), в семье бывшего крепостного. Семья, не имея собственной земли, жила бедно, и поэтому в 1906 году, после аграрной реформы Столыпина, в поисках лучшей жизни, четырнадцатилетний Василий вместе с отцом, братьями и сестрой отправился на Дальний Восток. Путь был нелёгким: летом перемещались на быках, зимой жили в землянках. Во время этого путешествия, продлившегося три года, Василий получил увечье ноги, из-за чего остался хромым на всю жизнь.

В 1909 году, добравшись до Дальнего Востока, семья Выхованец поселилась в селе Ракитном, близ Дальнереченска. Здесь Василий Дмитриевич познакомился со своей будущей супругой, Феодосией Гордеевной Пирожковой, уроженкой Черкасской области, ранее также переехавшей с родителями на Дальний Восток. В 1917 году, Василий Дмитриевич и Феодосия Гордеевна вступили в брак, а в 1918 году появилась на свет их первая дочь Любовь. Всего же за годы совместной жизни у них родилось семеро детей. Известно, что Василий получил среднее духовное образование. Ещё живя на Украине, он служил чтецом в местном храме, и на новом месте, видимо, не оставил церковного служения. А потому, вскоре после женитьбы, был хиротонисан во диаконы для храма в селе Лермонтовка. В

1930 году о. Василий был рукоположен в священнический сан в городе Хабаровске, епископом Пантелеимоном (Максуповым), и получил приход в селе Князе-Волконское. Отец Василий обладал прекрасными вокальными данными, и вскоре молва о нем разносилась по ближайшим селам, люди приходили послушать «голосистого» батюшку. Дети отца Василия принимали активное участие в жизни прихода: дочь Людмила пела на клиросе, а сын Виталий пономарил. Стоит отметить, что даже в самые тяжелые для Церкви и религии времена, отец Василий открыто исповедовал свою православную веру. Со слов его дочери, Людмилы Васильевны, отец всегда ходил в рясе и с крестом на груди. «Люди кидали в него камнями, а он только за них молился» - вспоминает она. Отец учил детей, что нужно претерпеть сложное время, что все трудности временны, так как не одно государство не может жить без религии. Предостерегал от посещения обновленческих храмов и служб, считая раскольников-обновленцев предателями Христа. Предсказывая время, когда будет много новых религиозных движений и сект, он увещевал своих детей держаться единственной истинной веры - Православия. Люди осуждали отца Василия, за то, что он и в годы гонений оставался верен Богу и Церкви, чем подвергал семью огромному риску. Он же говорил: «Когда Церкви плохо, тогда и надо идти

Священник Василий Выхованец

в Церковь». Несомненно, в подобной крепости и стойкости, есть заслуга и жены отца Василия - матушки Феодосии, которая не только ни разу не упрекнула своего супруга, а напротив всегда убеждавшей его в правоте выбранного пути. Нелегко приходилось и детям священника. Хотя они успевали по всем предметам и отличались хорошим поведением, учителя занижали им оценки. Не складывались отношения со сверстниками: дети, воспитанные в антирелигиозном духе, всячески унижали «поповских» детей, доходило до того, что, под угрозой избиения, дети отца Василия не выходили за церковную ограду. После закрытия храма советскими властями, в 1933 году, семья Выхованец была вынуждена уехать в село Ракитное, Приморского края. Но и здесь

о. Василия и его родных настигли гонения: в 1934 году они получили предписание выехать за пределы Приморского края и запрет на проживание в населенных пунктах близ государственной границы. Отец Василий с женой и детьми поселились на станции Черепаново, Новосибирской области. Семья жила в условиях крайней нищеты: батюшка, матушка и пятеро детей ютились в ветхом сарае 2x2 метра, детям было отказано в приеме школу, а матушке - на работу. Самому же отцу Василию неоднократно предлагали отказаться от священнического сана, но ни жизненные тяготы, ни предчувствие близкого ареста и расстрела, не заставили его отказаться от служения Богу и людям. Через какое-то время отец Василий был принят в клир Новосибирской епархии

и приписан к одному из храмов Новосибирска. В сентябре 1937 года батюшка был арестован. Ему были предъявлены обвинения в том, что он якобы является участником мифической «церковномонархической организации» и, по заданию её руководителей, ведёт среди населения повстанческую агитацию и вербует новых сторонников. На допросах отец Василий держался мужественно, и не признавал

сфабрикованных обвинений. 4 октября 1937 года отец Василий был осужден Тройкой Управления НКВД НСО по статье 58 – 2.6. II УК РСФСР и приговорен к расстрелу. По одному с ним делу были осуждены архиепископ Новгородский Сергей (Васильков), 12 священников и ещё 26 клириков и мирян. Приговор был приведен в исполнение 5 октября 1937 года. Место захоронения новомучеников

не известно. Реабилитирован отец Василий 7 февраля 1958 Военным трибуналом Сибирского военного округа. После расстрела отца Василия, наступило самое тяжелое время для членов его семьи: на них по-прежнему было клеймо «поповских родственников». Матушка Феодосия долгое время не могла устроиться на работу, и потому, в 1938 году, она с детьми перебирается в Барнаул. Здесь, пытаюсь спасти

детей от голодной смерти, Феодосия Гордеевна отдает младших сыновей в детский дом. Но вскоре мальчиков переводят в другое учреждение и связь с ними теряется. Один из них будет найден лишь в годы Великой Отечественной войны, второго же мать будет искать всю жизнь, но так и не найдет... Феодосия Гордеевна умерла в городе Хабаровске в 1972 году в возрасте 74 лет.

Протоиерей Виктор Козловский

Родился в с. Черемухово на Амуре возле Благовещенска в 1873 году в семье священника, который переехал сюда из Могилевской губернии. Учился в Благовещенской духовной семинарии, закончив ее в 1893 году. Сначала был поставлен дьяконом, а с 1899 года служил священником в селах Амурской области — в Ивановке в Богородично-Иоанно-Богословском храме и в родном Черемухово, где когда-то служил его отец, Василий, умерший довольно рано.

В августе 1895 года он женился на Евдокии Ивановне Богословской, родившейся в Иркутске в 1876 году в семье священника, переселившегося из Тульской губернии. Мать Евдокии умерла рано, и трех дочерей — Веру, Дуню и Катю воспитывал священник-отец, дав им домашнее образование.

В 1908 году отец Виктор переехал с семьей в

Протоиерей Виктор Козловский

Хабаровск. Сначала служил в храме Успения Божией Матери, затем был законоучителем в женской гимназии, а с 1915 года преподавал Закон Божий в Хабаровском кадетском корпусе. В ноябре 1920-го, в период Гражданской войны, кадетский корпус эвакуировали со служащими, кадетами и всем имуществом на Русский остров под Владивостоком, и отец Виктор служил там

два года.

В октябре 1922 года Хабаровский кадетский корпус эвакуировали за границу, но священник по семейным обстоятельствам решил не уезжать из России. Во Владивостоке Козловские жили на морском побережье, но, когда дети заболели коклюшем, пришлось вернуться в Хабаровск. «Что могут сделать русские священнику?» — думал Виктор

Козловский. Служил он в Свято-Иннокентьевском храме. Семья жила неподалеку от церкви по улице Протодьяконовской, 119 (ныне улица Фрунзе, дом не сохранился).

В Хабаровске священник прожил долгие годы, его очень уважали, любили, с ним считались. Из высоких наград у Виктора Васильевича Козловского был орден Святой Анны 3-й степени с девизом: «Любящим правду,

Семья отца Виктора

благочестие и верность». Этот девиз словно подчеркивал характер отца Виктора.

В 1932 году советские власти выслали священника Козловского из Хабаровска, и он жил сначала в слободе г. Самары, затем в с. Макарье Вятской области, служил в Троицкой церкви. Жена осталась с детьми в Хабаровске, но в июне 1933 года выслали и ее. Евдокия Ивановна с младшими детьми Питиримом и Валентиной выехала к мужу в с. Макарье, где

семья поселилась в церковной сторожке.

С 1935 года отца Виктора назначили благочинным церковью Вятской области, но в августе 1937-го арестовали, забрав все церковные книги и многие ценные предметы и приговорили к высшей мере наказания – расстрелу (тройка при УНКВД СССР по Кировской обл. Статья ст.58-10 УК РСФСР). Приговор был приведен в исполнение 11.12.1937 года в подвале Внутренней тюрьмы НКВД Киро-

ва. Полностью реабилитирован батюшка был в 1956 году.

Все это подтверждает и внучка отца Виктора – Валя Козловская, дочь Питирима Викторовича Козловского. Она специально ездила в Вятку в апреле 1997 года. Вот выдержки из ее двух писем от 09 и 19. 04.1997.

Валентина пишет о том, что ей удалось узнать: «... были сначала в областной прокуратуре, там ничего нового. Потом в ФСБ (бывшее КГБ), где из архива подняли дело. Я держала его в руках и читала допрос нашего с тобой деда. Деда обвиняли в контрреволюционном заговоре (сейчас бы сказали - «шили» дело). Вопросов было очень много, на что он твердо отвечал (это видно по характеру ответов): «не знаю, не участвовал, не занимался».

Деда спрашивали, как он попал в Вятку (Киров). Он обстоятельно отвечал. В Кирове я была всего три дня: прокуратура,

ФСБ, а в третий день мы съездили в церковь, где служил наш дед. Тогда это с. Макарье, сейчас черта города. Церковь все время действующая, но старожилов, к сожалению, не нашли, и об истории церкви ничего нет. Не знаю, насколько я справилась с заданием нашей фамилии, но твердо уверена, что в добром имени деда сомневаться не приходится. Виктор Васильевич Козловский был и остался честным человеком, ни на кого ничего не наговорил».

В следующем письме Валентина Козловская поясняет, что в 1932 году отец Виктор примерно три месяца был священником в Самаре, куда приехал, когда ему «предложили выехать» — покинуть Хабаровск. Пришлось обращаться к епископу Евгению (Зернову), которого дед знал в течение 10 лет, и тот предложил ему Вятку. Прибыв на место службы, отец Виктор встретил там других священников — Тихвинского, Попова и Михайлова. Далее в письме следует: «Я, кажется, писала, что почти любой вопрос или начинался, или сводился к контрреволюционной деятельности. Были попытки, вернее, ему пытались навязать даже, что он организатор среди священников (задавали вопросы: бывали ли вы у таких-то, что там делали и т. д.), на что дед конкретно отвечал: не был, не занимался, не вел. Так как он с Дальнего Востока, были вопросы прямые, например, где он занимался миссионерской деятельностью с китайцами и корейцами? На что следовал категоричный ответ: никогда не занимался миссио-

нерской деятельностью, миссионером не был. Я, наверно, повторюсь, сказав, что у него были изъяты и сожжены церковные книги порядка 230 шт. Был ли донос? Не знаю. В деле я не видела доноса, а может быть, мне тактично не показали. Где похоронен? Точно не сказали. Скорее всего, на Петелинском кладбище, где хоронили всех после приведения приговора. Единственное, я могу повторить свое заключение, что наш дед Виктор Васильевич Козловский остался честным человеком, никого во вред другим не подставил».

В эпоху гонений, смертей, в период разрушения храмов материальных пришло время бережного воссоздания нерукотворенных храмов – храмов человеческих душ. Через подвижничество исповедание веры совершалось возвращение человека на путь опытного богопознания, на путь живого общения с Богом. Сердца, исполненные любви ко Христу, к Церкви Христовой и побеждающие парализующий страх, билась в груди тех, кто в условиях жесточай-

ших гонений вступал на путь служения Богу, кто служил Ему словом и делом, кто не отступил от Него даже до смерти, кто пронес живую веру через страдания, через которые свершалась сила Божия. Как сказал священномученик Иларион (Троицкий): «Церковь Божия стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багряницею и виссоном, кровью новых мучеников. Что мы знали

из церковной истории, о чем мы читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят... Силы государства направились против Церкви, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели предателей и изменников...».

Читая о тех, кто страдал и умер за Христа, невозможно остаться равнодушным. Тысячи

священников и мирян, над которыми смеялись, оскорбляли, которых мучили и убивали, возвысились пред Богом, пройдя свой земной путь с достоинством. Многие прославлены как новомученики и исповедники. Многие остались неизвестными для нас, но у Бога не останется бессильным никакое слово: радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небеси.

В газете использовались материалы:

Иеромонах Никанор (Лепешев). Доклад на Третьих Иннокентьевских чтениях «Историческая связь времен: духовность, просвещение, патриотизм» (Биробиджан, 20 марта 2008 года).

Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт. Братство во Имя Всемилостивого Спаса.

Ольга Чехова. «Тихоокеанская звезда». «Причислен к лику святых».

Мария Бурилова, «Словесница искусств». «Крестный путь священника».

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников российских XX века».

Юлия Мартынова. «Православный вестник Приамурья». «Дальневосточные исповедники».